

НАЦИОНАЛИЗМ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Дильман Д.А.¹, Буров А.Н.¹, Сарматин Е.С.²

¹ ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (Волгоградский филиал), Волгоград, Россия (400131, г. Волгоград, ул. Волгодонская, 11), e-mail: Volgograd@rea.ru;

² НОУ ВПО «Институт управления» (Волгоградский филиал), Волгоград, Россия (400040, г. Волгоград, ул. им. генерала Штеменко, д. 66 а), e-mail: miu@vfmiu.ru

В статье осуществлен теоретический анализ национализма на государственном и общественно-политическом уровнях в национальных регионах Поволжья в период формирования федеративного государственного устройства России. Исторические условия формирования рассматриваемого национализма – параллельные процессы становления федеративной государственности России и регионального суверенитета поволжских национальных республик: республики Татарстан и республики Башкортостан. В статье методом сравнительного анализа исследуется генезис национализмов, его основания и формы; исследуется деятельность общественно-политических движений; сопоставляются статистические данные по этническому составу республик, данные результатов республиканских плебисцитов; анализируются нормы конституций республик Татарстан и Башкортостан. В результате исследования установлено, что «региональный» национализм Поволжских республик объективно вступил в противоречие с федеральным, общероссийским государственным национализмом с его демократизмом этнического равноправия, в то время как «региональный» национализм закрепился в форме этнонационализма в вопросах кадровой политики. Также установлено, что процесс суверенизации стал ответом на исторически предшествующую ему сверхцентрализацию, что представляется закономерным явлением исторической динамики.

Ключевые слова: Россия, государство, переходный период, регионы, Поволжье, политика, национализм, суверенитет.

NATIONALISM IN THE MIDDLE VOLGA TURN OF THE CENTURY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Dilman D.A.¹, Burov A.N.¹, Sarmatin E.S.²

¹ VPO "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov"(Volgograd branch), Volgograd, Russia (400131, Volgograd, street. Volgodonsk, 11), e-mail: Volgograd@rea.ru;

² LEU VPO "Institute of Management" (Volgograd branch), Volgograd, Russia (400040, Volgograd, st. Im. Gen. Shtemenko, d. 66 a), e-mail: miu@vfmiu.ru

The article is a theoretical analysis of nationalism in the state, public and political levels in the national regions of the Volga region during the formation of a federal state structure of Russia. The historical conditions of formation considered nationalism - the parallel processes of formation of a federal state and regional sovereignty of the Russian Volga national republics of Tatarstan and Bashkortostan. In the article the method of comparative analysis investigated the genesis of nationalism, its foundation and forms; The activity of social and political movements; compared statistical data on the ethnic composition of the republics, these results republican plebiscites; analyzes the provisions of the Constitution of Republic of Tatarstan and Bashkortostan. The study found that "regional" objective nationalism Volga Republic came into conflict with the federal, national state nationalism with its democracy ethnic equality, while the "regional" entrenched nationalism in the form of ethnic nationalism in matters of personnel policy. It is also established that the sovereignty was in response to historically precedes it excessive centralization, which seems a natural phenomenon of historical dynamics.

Keyword: Russia, the state, the transition period, the regions, the Volga region, politics, nationalism, sovereignty

Горбачевская перестройка, начавшаяся в 1985 году, ознаменовалась во многих регионах страны резким обострением межнациональных отношений. На смену относительно спокойному периоду пришел новый этап, удачно обозначенный как период «взбунтовавшейся этничности». Динамика этого процесса была неравномерна. Так, к середине 90-х годов накал этнических страстей заметно спал, что не могло не влиять на

ситуацию в стране в целом. Наконец, проблемы межэтнических отношений все время поднимались во время предвыборных кампаний различного уровня, которые в процессе демократизации России приняли циклический характер. Нельзя не отметить и воздействие такого фактора, как надвигающийся социально-экономический кризис, который обычно дает метастазы и в сфере межэтнических отношений. Отсюда и возникает необходимость теоретического анализа национализма в не столь отдаленном прошлом, который имеет также и практическое значение.

Остановимся первоначально на семантике самого термина «национализм». В советский период этот термин употреблялся в сугубо негативном смысле: он трактовался как стремление к гипертрофированному доминированию соответствующего этноса при одновременной дискриминации прав национальных меньшинств. Ярлык «националиста» очень часто и подчас искусственно навешивался на представителей оппозиции, что только усиливало негативизм такого рода терминологии. В перестроечный период, когда национальные движения главным образом в прибалтийских республиках содействовали слому тоталитарного режима, произошел определённый перелом в трактовке национализма. Его стали понимать как стремление к защите своей нации и собственной государственности в той или иной форме, признавая при этом и права национальных меньшинств (гражданский национализм). Но последующее образование независимых государств с четко выраженными этнонациональными приоритетами (в той же Прибалтике), дискриминирующими меньшинства, способствовало возвращению к однозначно негативному пониманию этого термина в общественном мнении и нередко в научных кругах (этнонационализм). На наш взгляд, понятие национализма может употребляться как в том, так и в другом значениях в зависимости от того, с какого рода процессами мы имеем дело. Сравнительный анализ таких национализмов и является целью статьи.

Республика Татарстан была создана как Татарская автономная Советская Социалистическая Республика 27 мая 1920 года декретом ВЦИК и СНК РСФСР. На основе «Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР», принятой 30 августа 1990 года, начался процесс изменения статуса бывшей Татарской АССР. В итоге проведенного 21 марта 1992 года референдума о государственном статусе, результаты которого были закреплены в конституции Татарстана, принятой парламентом Республики 6 ноября 1992 года, Татарстан был признан «суверенным демократическим государством, субъектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения». Такой договор и был подписан между Российской Федерацией и Республикой Татарстан 15 февраля 1994 года. Таким образом, по сравнению с другими субъектами РФ (кроме фактически отложившейся Чечни)

Татарстан фактически приобрел особый статус, что означало более высокую степень самостоятельности по целому ряду позиций и выделяло его на общем фоне других национально-государственных образований России. Данное обстоятельство придавало своеобразную форму и формировавшемуся в республике государственному национализму. Государственный (официальный) национализм в Татарстане в открытой форме начал формироваться в 1988–1989 годах. Первый период его становления может быть определен как «экономический национализм». Он был связан с попыткой реализации проекта так называемого «регионального хозрасчета».

В сентябре 1989 года в республиканской прессе был опубликован официальный вариант проекта «Основные положения концепции перехода Татарской АССР на региональный хозрасчет, самофинансирование и самоуправление». Он содержал несколько принципиальных положений. Во-первых, правительству ТАССР предоставлялось право иметь под своей юрисдикцией «предприятия, организации и учреждения, продукция и услуги которых предназначены в значительной степени для удовлетворения потребностей населения». Далее говорится о «государственной собственности Татарской АССР», которую планировалось расширить за счет предприятий, находящихся в «вышестоящем подчинении».

Однако в разделе «Политический статус и экономическая самостоятельность Татарской АССР» данного документа содержится формула «статус Татарии как суверенной республики в рамках СССР и РСФСР», который определяется как «широкая политическая самостоятельность республики в рамках Российской Федерации и союзного государства». Эта формула, как нетрудно заметить, отличается неясностью и неопределенностью, что оставляет вопрос о политическом статусе Татарстана по сути открытым.

Тем не менее кризис межнациональных отношений, как в союзном, так и российском масштабах, продолжал углубляться, что не могло выдвигать на первый план вопрос о политическом статусе республики. Уже к лету 1990 года процесс формирования государственного национализма в Татарстане вступил во второй этап – этап «политического национализма» [1. С. 111-112].

Этот переход связан в первую очередь с принятием декларации о суверенитете республики. В ходе ее обсуждения и принятия обозначился раскол республиканской элиты на «консерваторов» и «радикалов»: «консерваторы» настаивали на вхождении Татарстана как в РСФСР, та и в СССР, против чего выступали «радикалы», отстаивавшие формулу «суверенная республика в составе СССР». Окончательный текст декларации следует рассматривать как компромисс между этими двумя группировками. Он и был принят 30 августа 1990 года [6].

В этой декларации пункт о двухсубъектности Татарстана отсутствует. Утверждается, что республика должна войти в СССР через «участие в заключении союзного договора». Очевидно, что эта формулировка должна рассматриваться как уступка как радикалам среди элиты, так и сформировавшимся организациям «внесистемной» оппозиции. Вместе с тем в декларации учитывается и многонациональный состав населения республики, в частности высокая доля в нем русского населения. Так, в ней записано, что в Татарстане «гарантируется равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных». Данное обстоятельство и обусловило появление понятия «паритетного национализма», получившего широкое распространение среди специалистов. «Паритетностью» отличается и пункт о «реализации неотъемлемого права татарской нации, всего народа республики на самоопределение». Эта «паритетность» была окончательно зафиксирована как официальный политический курс элиты в Татарстане в конституции республики, принятой в ноябре и введенной в действие 30 ноября 1992 года.

Однако здесь следует заметить, что конституция Татарстана принималась в принципиально иной политической ситуации, сложившейся после распада СССР. Соответственно потерял смысл и пункт об участии республики в грядущем подписании союзного договора. В то же время, как уже было отмечено, членство в Российской Федерации соответствующий пункт декларации не предусматривал. Возникла, таким образом, подвешенная ситуация: политический статус республики был неясен. Выход был найден в проведении 21 марта 1992 года референдума о статусе Татарстана. Получив поддержку 61,4% граждан республики, принявших участие в референдуме, руководство Татарстана внесло в конституцию следующее положение: «Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения» (ст.6) [1. С. 116].

В республике, как и в целом по стране, шел также и процесс формирования оппозиционных политических сил, выступавших с куда более радикальных позиций. Следует выделить такую организацию, как Татарский общественный центр (ТОЦ), а также выделившееся из нее более радикальное крыло – партию «Иттифак». Эти организации шли гораздо дальше официальной политической элиты, выдвигая лозунг татарской национальной независимости. Однако их политическое влияние осталось достаточно ограниченным в первую очередь в силу того, что представленная в этих организациях национальная интеллигенция так и не смогла предложить сколько-нибудь целостную модель этнокультурного развития татар в современных условиях.

Этнодемографическая ситуация в Республике Башкортостан резко отличалась (и продолжает отличаться) от ситуации в Татарстане. Достаточно сказать, что башкиры как титульный этнос на территории своей республики в 1989 году составляли подавляющее меньшинство – 21,9 % от общей численности населения (русские – 39,3%, татары – 28, 4%) [2. С. 123.]. Естественно, в такой ситуации башкирское национальное движение, представляющее значительное меньшинство населения, не могло быть приоритетным. Тем не менее провозглашенный им тезис о «сокращении» и ассимиляции башкирской нации послужил мощным стимулом этнической консолидации и оказал сильное влияние на массовое сознание и чувство этнического самосохранения (Башкирский народный центр (БНЦ) «Урал», Башкирская народная партия, Башкирский народный конгресс, Союз башкирских женщин, Клуб башкирских казаков «Северные амуры», Республиканский клуб башкирской культуры и др. Одновременно шел процесс формирования и татарского национального движения и русского.

В этот период отношения между национальными организациями трех ведущих этносов республики стали приобретать конфликтный характер. Башкирские национальные организации взяли на вооружение тезис об «ущемленности» башкир в республике. Так, говорилось о том, что доля башкир в органах власти и управления слишком мала, и для исправления этого положения следует принять специальные меры: 50 % представительство башкир в этих органах и 60 % квота абитуриентов в вузах республики. Расхождения между различными национальными движениями не могли отразиться и на законотворчестве. Так, 11 октября 1990 года Верховный Совет республики принял «Декларацию о государственном суверенитете Башкирской ССР», в которой вопрос о статусе языков был обойден молчанием, зато неотъемлемое право на самоопределение признавалось лишь за башкирской нацией. Такое компромиссное решение, естественно, оставляло «языковой» вопрос в подвешенном состоянии.

Первоначально Башкортостан вместе с другими российскими республиками (за исключением Татарстана и Чечни) в марте 1992 года подписал федеративный договор, но с целым рядом оговорок. Эти оговорки содержатся в специальном приложении, согласно которым республика является самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей, а также самостоятельно определяет общие принципы налогообложения и сборов в бюджет республики. Между федеральным и республиканским правительствами были подписаны десять специальных соглашений, а затем уже на более высоком уровне был подписан договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан». Далее в подтверждение

правильности курса руководством республики 12 декабря 1995 года на референдум был вынесен вопрос об отношениях Республики Башкортостан с Российской Федерацией в следующей формулировке: «Считаете ли Вы, что следует продолжить политику по укреплению экономической самостоятельности Республики Башкортостан в составе обновленной России на основе подписанного 3 августа 1994 года договора Российской Федерации и Республики Башкортостан о взаимном делегировании полномочий и конституции республики?» «Да» ответили 1644386 граждан (79,1 %); «нет» – 396718 граждан (19,1 %) [2. С. 126]. Казалось бы, в отношениях между республикой и федеральным центром удалось найти компромиссное решение, поддержанное большинством башкортостанцев. Тем не менее эти отношения продолжали обостряться: с 1990 года высший законодательный орган Башкортостана принял более 150 законов и законодательных актов, в той или иной степени расходящихся с соответствующими федеральными нормами [2. С. 144]. Подписание двустороннего договора эти противоречия не устранило, решать этот вопрос пришлось уже на следующем витке развития российской государственности.

Республика Башкортостан прошла следующие основные этапы «суверенизации»: принятие декларации о государственном суверенитете республики (октябрь 1990 г.), введение института президента (октябрь 1991 года), избрание первого президента (декабрь 1993 года), принятие новой конституции (декабрь 1993 года), наконец, избрание в марте 1996 года Государственным Собранием Республики Башкортостан – Курултаем – республиканского конституционного суда. На основных положениях конституции республики следует остановиться более подробно.

В статье 1 конституции говорится, что «Республика Башкортостан есть суверенное демократическое государство» [5]. Поскольку термин «суверенитет» идентичен термину «независимость», это означало провозглашение независимости от Российской Федерации. Однако последующие статьи конституции вступали в противоречие с этим исходным положением. Так, статья 5 говорит о том, что Башкортостан является субъектом обновленной Российской Федерации и входит в ее состав на добровольной и равноправной основе [5]. Речь идет, стало быть, о равноправии целого и части, что вряд ли возможно по определению. Однако эйфория суверенизации явно брала верх: законодатели не могли отказаться от концепции «двух равных государств» [3]. Соответственно в данной конституции мы находим положение о том, что отношения между Республикой Башкортостан и Российской Федерацией определяются в соответствии с договором о межгосударственных отношениях и другими двусторонними договорами и соглашениями. Концепция договорных отношений двух суверенных государств имела бы смысл в случае

наличия так называемой «Русской Республики», однако о необходимости ее создания говорили только крайние националисты, не пользовавшиеся большим влиянием [7].

Вместе с тем другие положения конституции вполне реалистичны. Вряд ли может вызвать возражения положение о том, что по вопросам, находящимся в ведении Российской Федерации, российские законы являются обязательными для выполнения на территории республики (ст.5, ст.128 [5]). Проблема только в том, что отнести к ведению Российской Федерации, а что к ведению самой республики, а вот здесь между сторонами как раз и шли долговременные споры. То же самое относится и к амбициозной статье 70, согласно которой «Республика Башкортостан сохраняет за собой всю полноту государственной власти на всей территории вне пределов прав, добровольно переданных ею Российской Федерации» [5]. Неопределенность и неустойчивость вызывают статьи конституции (71, 154), в соответствии с которыми «Республика Башкортостан производит взносы в бюджет Российской Федерации в размерах, определяемых ежегодно соглашением сторон [5].

Концепция «равноправия двух республик» ярко проявилась в трактовке внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности. Статьи 74 и 76 прерогатива Башкортостана в этих сферах трактуют крайне расширительно, опять-таки вступая в противоречия с российской конституцией. Провозглашалось, что Республика Башкортостан является самостоятельным участником международных и внешнеэкономических отношений, кроме опять-таки «добровольно переданных по договору» Российской Федерации, вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры и обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами; участвует в деятельности международных организаций, в межгосударственных объединениях, вправе вступать в содружество государств [5]. Как мы видим, здесь «суверенитет» республики трактуется крайне широко, что говорит о явном разрыве (по крайней мере, на декларативном уровне) с исключительными прерогативами федерального центра. Проявление башкирского этнонационализма явно прослеживалось в кадровой политике: принадлежность к башкирской нации пользовалась приоритетом при выдвижении на ответственные посты во властные и управленческие структуры. Как отмечают специалисты, в таких структурах «русские и татары заменялись по возможности башкирами, а в районах с преобладающим татарским населением татарские руководители заменялись русскими» [4. С. 213-24]. Из 40 избранных депутатов 5 марта 1995 г. Законодательной Палаты Государственного Собрания Республики Башкортостан 55% оказались лицами башкирской национальности. Депутатов-татар оказалось в четыре раза меньше, чем башкир, всего 5 (14,3 %). Депутаты русской национальности насчитывали 7 человек и составляли 22,6 % [2. С. 144]. Таким образом,

здесь на практике осуществилось одно из требований национал-радикалов: 50 – процентная квота для башкир как «коренной нации» в органах государственной власти.

В обеих республиках – Татарстане и Башкортостане в период перестройки и уже после нее направляющей и руководящей силой оставалась традиционная номенклатура, которая пыталась реализовать свой вариант государственного (гражданского) национализма. В Татарстане с его относительным доминированием «коренного» этноса государственный национализм принял «паритетную» форму, чего не скажешь о Башкортостане. Все российские автономии в той или иной мере пережили болезнь суверенизации, что в свою очередь является следствием предшествующей сверхцентрализации. Оптимизация модели российского федерализма является сложным и противоречивым процессом: мы имеем дело именно с динамикой, а не с застывшим состоянием. Поэтому преодоление «болезни роста» под воздействием реальной жизни вполне возможно и необходимо, а его отслеживание представляет собой насущную научную задачу.

Список литературы

1. Исхаков Д. Модель Татарстана и национализм татар // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. Т. 3. Национализм в национально-территориальных образованиях. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
2. Конституция Республики Башкортостан. Уфа, 1994.
3. Сафин Ф. Современный башкирский национализм // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 тт. Т.3: Национализм в национально-территориальных образованиях. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
4. Советская Татария. 1990. 31 августа.
5. Советская Башкирия. 1989. 4 ноября.
6. Этнополитическая мозаика Башкортостана / под ред. М.Н. Губогло. – М., 1992. – Т. 1.

Рецензенты:

Восканян С.С., д.пол.н., профессор, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «РАНХиГС», г. Волгоград;

Шелекета В.О., д.фил.н., профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук филиала ФГБУ ВПО «НИУ МЭИ» в г. Волжском, г. Волжский.